

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Проклятие короля-оборотня

Сердце принца-ворона

Поцелуй шелки

Продолжение следует...

ФЕЙРИВЭЙ

БРЕТТОН

Первый юноша, которого я поцеловала, тут же умер. Если я еще когда-нибудь прижмусь к чьим-то губам своими, эта смерть не станет последней. Очень надеюсь, что поцелуев в моей жизни больше не будет. Не потому, что не люблю целоваться. Я могла бы насладиться моментом, целуй меня кто-то более приятный. И уж тем более, если бы юноша не отшатнулся, задыхаясь от вкуса моих губ.

Не в поцелуях дело, а в смертях, к которым эти поцелуи приводят.

Нравится мне это или нет, правда остается правдой: для такой убийцы, как я, на острове Фейривэй не так много вариантов. Первый, конечно, — тюрьма. Так как я фейри — а точнее, шелка — это может означать вечную жизнь в клетке. Второй вариант — изгнание. Не так уж страшно, если бы не одно «но»: любая фейри, надолго покинувшая защитный магический

барьер, окружающий остров, лишается своего бессмертия. И третий вариант — наказание. Поскольку островом Фейривэй правят феири, нарушители закона расплачиваются за свои злодеяния в соответствии с нашими древними обычаями. В большинстве случаев, посредством ужасных, леденящих душу сделок и проклятий.

По общему признанию, у меня, как у сбежавшей принцессы, есть хороший шанс спастись от худшей формы наказания благодаря влиянию моего отца — правителя Морского королевства.

Но есть и четвертый вариант, созданный специально для меня, который хуже, чем первые три, вместе взятые. Тот вариант, из-за которого я в бегах уже больше года...

И который логично приводит к моему любимому пятому варианту под названием «прятаться вечно».

Где еще можно надежно спрятаться, если не в ярком, шумном городе Люменас?

Засунув руки в карманы своего коричневого твидового пальто, я прогуливаюсь по оживленным улицам в центре, то и дело натываясь на рассеянных прохожих. Никто не смотрит в мою сторону, потому что вокруг есть более интересные вещи, чем розововолосая девушка-феири в огромной кепке и мужских брюках. Если не присматриваться к моим заостренным ушам — отличительному признаку чистокровных феири, — спрятанным под головным убором, то я могу сойти за человека. Хотя, даже если кто-

нибудь и заметит, это неважно, потому что Люменас в равной степени является домом как для людей, так и для фейри.

Я сворачиваю на улицу Галлей, где из-за туристов яблоку негде упасть. Улица кишит пешеходами, автобусами и даже одним или двумя автомобилями. Со всех сторон слышится шум: стук лошадиных копыт, зов рога, музыка и смех. Прожив здесь год, я уже привыкла к подобной суматохе, но помню, каким странным мне все казалось поначалу. Я думала, что от шума у меня вот-вот взорвется голова, и это навевало тоску по моей тихой маленькой лагуне. Теперь хаос для меня не более чем красочный фон.

А лучше всего то, что подобная оживленность помогает мне зарабатывать.

Пара людей останавливаются в нескольких футах передо мной, зачарованно глядя на заоблачно высокое здание из розового мрамора, покрытое переливающимися электрическими лампочками. Люменас из тех городов, что ночью становятся еще ярче, чем днем. Уже перевалило за полночь, а небо потемнело, но на улице светлее, чем при солнечном свете. И сейчас я не смогла бы увидеть звезды, даже если бы попыталась. Странное противоречие для города, расположенного в Звездном королевстве — одном из одиннадцати королевств фейри, составляющих остров Фейривэй.

— Извините, — бормочу я, притворяясь, что спотыкаюсь, и натыкаюсь плечом на плечо муж-

чины. Он не замечает ни меня, ни того, как моя рука проскальзывает в его карман, доставая латунные карманные часы.

«Слишком просто», — думаю я с ухмылкой и бросаю часы в сумку, внутри которой происходит шевеление, сопровождаемое приглушенным мужским голосом:

— Миленькие часики, Мэйзи.

— Подаксис, — шиплю я уголком рта, — сколько раз тебе напоминать, чтобы ты больше не произносил это имя? Меня зовут Перл, помнишь?

Моя сумка снова двигается, когда пара красных клешней приподнимает верхний клапан. В глубине сумки мне не видны его глаза-бусинки, но я могу легко представить обеспокоенное выражение на крабоподобном лице Подаксиса.

— Точно. Прошу прощения, ваше высочество. То есть Перл. Ты же знаешь, мне трудно использовать это имя. Это же все равно что лгать.

— Это не ложь, — говорю я, хотя отчасти так оно и есть. Чистокровные фейри, такие как я и Подаксис, не способны откровенно лгать. Однако мы можем немного исказить правду. Все дело в намерениях. — Мое имя означает «жемчужина», что очень даже правда.

— Знаю-знаю, — бормочет он и снова закрывает клапан сумки.

В каком-нибудь другом месте я бы беспокоилась, что меня заметят разговаривающей с сумкой. Но не здесь. Не тогда, когда вокруг, куда ни повернись, так много более захватывающих ве-

щей, на которые стоит посмотреть: крылатые люди, способные жонглировать чем угодно от кроликов до ножей, музыканты на импровизированных сценах, бьющие в барабаны и играющие на скрипках, свисающие с фонарных столбов прекрасные нимфы, что выполняют акробатические трюки на шелковых веревках. И это только в этом квартале.

Расположенный на севере Звездного королевства, Люменас широко известен как музыкальная столица Фейривэя. В нем находится больше музыкальных залов, оперных и других театров, чем где-либо еще на острове. Тем не менее этот город также получил несколько более пикантных прозвищ: притон для разврата, погибель азартного игрока, дьявольское наслаждение, рай для воров. В конце концов, Люменас — город, кишачий богачами, которые приехали на отдых. И они, быть может, привлеченные красотой и искусством, остаются ради более острых ощущений.

Я, например, использую этот город как убежище. Идеальное место, где принцесса может сменить свою личность и спрятаться. Здесь я всего лишь песчинка на морском берегу. Незаметная. Несущественная. Просто девушка, переодетая юношей и вытаскивающая безделушки из чужих карманов так же ловко, как девушки в Саду Орхидей задирают юбки.

Я осматриваю толпу, пока мое внимание не привлекает группа людей на углу, столпившихся вокруг мужчины-фейри с рогами, который

декламирует стихи. На нем нет ничего, кроме розовой юбки с оборками и красных подтяжек, открывающих выпяченную грудь и толстые скульптурные икры, от которых несколько человеческих женщин, собравшихся вокруг него, падают в обморок. Их мужья, похоже, разрываются между бдением за своими дорогими женами и слушанием фейри, который полностью завладел их вниманием. Это делает их всех идеальной мишенью. Я пробираюсь сквозь толпу, подхожу к одному из мужчин сзади и толкаю его локтем в бок. Он отшатывается, задевая рядом стоящего мужчину, из-за чего тот спотыкается и набрасывается на первого с хмурым видом и проклятиями. В этот момент я обхожу возмущенного мужчину с другой стороны и достаю из кармана его пальто бархатный мешочек с деньгами, заменяя на коробок спичек.

Проще простого.

К тому времени, как добираюсь до пересечения улицы Галлей с Третьей, в моей сумке лежат ожерелье, браслет и рубиновая серьга. Если раньше, лишь с Подаксисом внутри, моя сумка была легкой, то теперь я явно ощущаю ее вес. Я собираюсь повернуть на Третью улицу, готовая прекратить ночную охоту, когда что-то на Галлей снова привлекает мое внимание. Группа хорошо одетых аристократов задерживается у дверей Бриллиантового оперного театра. Смеясь, они болтают рядом с каретой, запряженной четверкой. Мужчины облачены в свои луч-

шие сюртуки, цилиндры и шелковые галстуки, в то время как ближайшая ко мне женщина может похвастаться облегающим черным вечерним платьем, белыми перчатками и изящной сумочкой из бисера, висящей на ее запястье. Но не это привлекает мое внимание, а украшение, которым заколот на затылке аккуратный пучок локонов. Серебряный гребень в форме морской раковины, инкрустированный переливающимся перламутром. При виде этой вещицы мой нос дергается, как будто мне вдруг захотелось чихнуть. Подобное всегда происходит, когда я замечаю какое-нибудь особенно заманчивое сокровище.

Моя сумка шевелится, когда Подаксис отодвигает клапан в сторону. На этот раз он выглядывает наружу.

— Не делай этого, Мэйз... Перл. Ты же знаешь, что происходит по эту сторону Третьей улицы.

— Знаю, — бормочу я, не отрывая глаз от гребня. Он прав. К востоку от Третьей улицы, на Галлей проживает очень элитная клиентура, в отличие от коварного хаоса западной стороны. Здесь улицы гораздо менее оживленные, а звуки, доносящиеся из театров, более мягкие и мелодичные, что увеличивает шансы быть пойманной на воровстве. Не говоря уже о том, что городская тюрьма находится в квартале к востоку отсюда.

— На сегодня достаточно, — говорит Подаксис с мольбой в голосе. — Но что еще важнее, я бы предпочел не возвращаться в тюрьму.

— Мы были там всего лишь раз и только на пятнадцать минут, — испускаю я вздох. — Как же я хочу этот гребень.

— Делай что хочешь, мне все равно, — ворчит он, когда забирается обратно, на дно моей сумки.

— Я так не думаю, мой друг. — Я заворачиваю за угол оперного театра и останавливаюсь, чтобы полностью открыть свою сумку. Смеющиеся туристы проходят мимо, не обращая на меня никакого внимания. Глядя на Подаксиса сверху вниз, я улыбаюсь ему. — Мне понадобится твоя помощь в этом деле.

Он щелкает клешнями.

— А что, если я откажусь?

— Ты этого не сделаешь.

— С чего ты взяла?

Я подмигиваю.

— Потому что в итоге ты никогда этого не делаешь, и потому что ты мой лучший друг. А теперь пойдем. Ничего сложного! Ты знаешь, что делать.

— Ты всегда вспоминаешь, что я твой лучший друг, в самое неподходящее время, — вздыхает он, но, несмотря на свои протесты, начинает вылезать из сумки. Я помогаю ему и сажаю у своих ног. Взвизгнув, он несется к зданию, подальше от топота прохожих. На него бросают несколько любопытных взглядов, но ни один из них не задерживается надолго. Появлением фейри на улицах Люменаса никого не удивить, хотя Подаксис — не самый распространенный вид, который встречается в Звездном королевстве. Он

грибной эльф, размером с маленького терьера. Своими красными клешнями и покрытым мхом зеленым панцирем, на котором растут многочисленные грибы странной формы, Подаксис напоминает краба. Его вид, как правило, обитает в королевствах с влажным или теплым климатом. Звездное королевство можно считать достаточно комфортным для него, но мягкая погода и ничем не примечательный климат редко отвлекают его сородичей от более благоприятных мест, как, например, Лунное, Земляное или Огненное королевства.

— Готов? — спрашиваю я.

— Нет, — бормочет он в ответ, но поднимает клешни.

С глубоким вздохом я натягиваю кепку на лоб, убедившись, что все выбившиеся пряди моих коротких розовых волос надежно спрятаны. Мы с Подаксисом бросаемся бежать, он — к запряженной четверкой карете, а я — к болтающей толпе. Я теряю своего друга из виду, когда прохожу мимо группы около оперного театра. Раздается ржание, за которым следует стук лошадиных копыт.

— Что это такое? — ахает женщина с украшением в волосах, и остальные поворачиваются в сторону шума. Две лошади в передней части упряжи пытаются встать на дыбы, и женщина делает шаг назад... ко мне. Крутанувшись, я протягиваю руку, снимаю расческу с ее затылка и кладу ее в карман.

Я едва не хихикаю вслух. Как же просто.

Из-под задней части кареты выбегает Подаксис. Там мы и встречаемся. Я наклоняюсь, чтобы поднять его, и отваживаюсь оглянуться на толпу. Они все еще пытаются успокоить испуганных лошадей.

— Ты отлично справился, — шепчу я, прижимая его к груди. Несмотря на собственную уверенность, я знаю, что лучше не задерживаться на месте, чтобы позволить ему вернуться в мою сумку. Сделаю это после того, как мы завернем за следующий угол Третьей. Когда окажемся подалее от тюрьмы, что вырисовывается на другом конце улицы.

— Это было унижительно.

— Но это сработало. Я же говорила...

— Мой гребень! Джордж, ты его не видел?

Мое сердце подскакивает к горлу, но я продолжаю смотреть прямо перед собой. Четвертая авеню находится всего в дюжине футов от отеля. После этого...

— Эй, ты! Мальчишка! — кричит мужской голос у меня за спиной.

— Ракушки, — бормочу я, ускоряя шаг, но уже слышу стук изящных туфель по тротуару.

— Перл, — голос Подаксиса повышается на октаву.

— Знаю-знаю. — Мои ноги рвутся вперед, но я заставляю себя сохранять спокойствие и вести себя естественно. Наконец, я сворачиваю на Третью улицу...

И чуть не сталкиваюсь с двумя людьми. На-крахмаленные горчично-желтые пиджаки и черные колоколообразные шлемы выдают в них городских патрульных. Я отшатываюсь назад и в сторону, едва не спотыкаясь о собственные ноги.

— Следи, куда идешь, — говорит один из них с насмешкой. Он фейри с коричневой кожей и огромными изогнутыми рогами по обе стороны от шлема. Женщина-патрульный рядом с ним выглядит как сильфида¹, с ее голубой кожей и волосами. Сильфиды могут быть красивыми и стройными, но они, как известно, мастерски владеют мечом. Тут я замечаю один у нее на бедре.

— Извините, — бормочу я, стараясь, чтобы мой голос звучал ниже, чем есть на самом деле. Даже при условии, что патрульные такие же фейри, как и я, загляни они ко мне в сумку или в карманы, я не получу от них никакого снисхождения.

Сильфида начинает отступать в сторону, чтобы дать мне пройти, когда позади раздается крик:

— Мальчик!

Офицеры, прищурившись, смотрят на меня. Я бросаю взгляд в сторону и вижу несущегося по тротуару мужчину, одного из тех, что стоя-

¹ Сильфида — в средневековом фольклоре дух воздуха в облике женщины.